***

Загремит автобус дачный,
дверь откроет на ходу...
Тонкокожи и прозрачны
головастики в пруду.

Но ни капли не похожи
на лягушек, что в саду.
По ночам приходит ёжик
кушать кошкину еду.

Кошка, словно недотрога,
наблюдает свысока,
испугав ежа немного
и сама струхнув слегка.

На рассвете барабанит
дятел, светится роса.
Утром плавает в стакане
полумёртвая оса.

На останках колокольни
стая траурных ворон.
И плетётся в школу школьник,
свой досматривая сон.

***

Надели ветхие одежды,
ведём себя, как полубоги,
как будто снова умер Брежнев
и отменили все уроки.

Кругом приспущенные флаги
и траур в византийском стиле.
И в каждом шепчутся бараке,
что гроб имперский уронили.

И пожилая историчка
рыдает, словно истеричка,
ничем нельзя её унять.
И мне не суждено понять –
где тут любовь, а где привычка.

Какой, вообще, сегодня год!
зачем я здесь! кто виноват!..
Холодный прошибает пот,
как много лет тому назад.

Когда мешался под ногами,
ходил под окнами кругами
и жил себе, не дуя в ус,
влюблённый по уши в соседку,
дождинки слизывая с ветки,
чтоб их распробовать на вкус.

О! это пышное начало!
Страна, что в тряпочку молчала,
и безразличной смерти нрав.
И та, что в губы целовала
меня, на цыпочки привстав.

***

Вот так и живут, и дают имена
и детям, и маленькой речке.
И смотрят подолгу на всё из окна
и курят в трусах на крылечке.

Кивают на осень, её письмена,
повадки и мордочку лисью.
А ночью такая вокруг тишина,
что слышно, как падают листья.

Каштан ударяется о козырёк
и кошка мяукает где-то.
И бьётся о лампу ночной мотылёк,
прельщённый безжизненным светом.

***

Выходишь вон — ещё стоят
на свалке брошенные ёлки.
Их беспокойный странный взгляд
и послепраздничный наряд.
Собаки год, по мне — так волка.

А во дворе своя игра,
там дегустируют настойку.
Люблю такие вечера,
когда искрятся новостройки,
потрескивают провода
над частным домиком с трубою.
И одинокая звезда
вдруг говорит сама с собою.

***

Служил творцу-единорогу
и семерых царей видал.
О счастье пел, но, слава Богу,
тебе не переприсягал.

Держава или не держава,
страна, жена, больная мать.
Когда высасываешь право
любить и втайне проклинать.

Впадать, как сумасшедший, в детство.
Менять на бабки страшный дар.
В кривое зеркальце смотреться.
И перечитывать «Анчар».

***

Судьба, судьбе, судьбы — и лепишь кружева,
и виснешь, как дурак, на микрофонной стойке.
Не вспоминай при мне погибшие слова,
не трогай у судьбы крутилки и настройки.

Огромная страна уснула на спине:
лежит с открытым ртом. В камине треск паркетин.
Да что ж так полысел и дырочку в ремне
проделал новую себе к сорокалетью.

Про лебеду загни, про сор и лопухи
и приплети ещё какой-нибудь прополис.
Я помню, что читал (не помню чьи) стихи,
я тараторил их, как проходящий поезд.

Но срезался, сошёл. Ищи-свищи финал.
Сам типа разлюбил, зато ушёл красиво.
Я на одной струне «Кузнечика» играл.
Из банок с кем-то пил разбавленное пиво.

Я делал узелок на кончике строки
и смешивал вино с лосьоном огуречным.
Прощайте, холода, ментовские ларьки.
Буди меня, буди, кондуктор, на конечной.

***

Ни безумных, ни светлых идей,
ни бессмысленных песен о чуде.
Чем торжественней бюсты вождей,
тем обшарпанней зданья и люди.

На Дзержинского высится храм,
а на Храмовой — стела чекистам,
где вольготно живётся ворам,
попрошайкам и хитрым таксистам.

А ещё полигон и река,
воды сточные в ней лицемерны.
И куда-то бегут облака
безразличные, словно цистерны.

Ибо сказочный этот народ,
чтоб учиться, учиться, учиться.
Ибо всё — и вокзал, и завод —
здесь построили пленные фрицы.

***

Когда никто не любит нас,
когда, прищурив третий глаз,
с утра озлоблен, как собака
а время песенки поёт,
и снег за окнами идёт
такой же, как у Пастернака.

Я сам с собою говорю.
Я так тебя благодарю
за жизнь, разыгранную в лицах,
за то, что снова будет свет,
за интригующий сю́жет
и бесполезные вещицы.

За двор, покрытый серебром,
и бабу с мусорным ведром.
За то, что есть немного денег.
За эту улицу во льду,
за то, что я по ней иду
довольный, как электровеник.

За хлеб и плавленый сырок.
За то, что ты не очень строг,
назад не требуешь билета.
За эти ёлочки в снегу.
За то, что запросто могу
благодарить тебя за это.